

РОЛЬ УСЛОВИЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ У ЖЕНЩИН УСТАНОВОК НА СОХРАНЕНИЕ И ИСКУССТВЕННОЕ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ

Ясюкевич Ю.В. *, Шелехов И.Л. **, Берестнева О.Г. *, Уразаев А.М. ****

**Юргинский технологический институт ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Юрга, Россия (652050, г. Юрга, ул. Ленинградская, 26), e-mail: yasukevich.julia@rambler.ru*

***ФГБОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», Томск, Россия (634061, г. Томск, ул. Киевская, 60), e-mail: brief@sibmail.com*

****ГОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Томск, Россия (634050, г. Томск, пр. Ленина, 30), e-mail: ogb@tpu.ru*

В данной статье затронута проблема психологических исследований репродуктивного здоровья современных российских женщин. Рассмотрены данные самостоятельного исследования, проводимого на базе женских консультаций и роддомов г. Томска. Приведен анализ установок и условий социализации, влияющих на возможность деторождения у женщин разных возрастных групп.

Проведенные исследования показали, что формирование жизненного сценария женского сексуального и репродуктивного поведения происходит под влиянием социокультурного статуса и состава родительской семьи, а также средств массовой информации, значимых сверстников и характера отношений с первым половым партнером, при достаточно низком исходном уровне материального обеспечения. При этом изменения в системе социальных ролей, инвариантность ценностей и установок в современном российском обществе, по-видимому, способствовали усилению противоречий между биологически обусловленной репродуктивной функцией женщины, общественной идеологией и спецификой культурно-исторического опыта этноса, сохраняющего государственность.

Ключевые слова: женщина, социализация, семья, брак, дети, беременность, аборт.

SOCIALIZATION AS A FACTOR THAT FORMS WOMAN'S ATTITUDE TOWARDS MAINTENANCE OF PREGNANCY OR ARTIFICIAL ABORTION

Yasukevich Y.V. *, Shelehov I.L. **, Berestneva O.G. *, Urazaev A.M. ****

** Yurga Institute of Technology National Research Tomsk Polytechnic University, Yurga, Russia (652050, Yurga, 26 Leningradskaja St), e-mail: yasukevich.julia@rambler.ru*

*** Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia (634061, Tomsk, 60 Kievskaja St.), e-mail: brief@sibmail.com*

**** National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, 30 Lenina Avenue), e-mail: ogb@tpu.ru*

The work represents the evaluation of modern Russian women's fertility behavior. After research data from Tomsk Female Counselling Centres and Maternity Hospitals have been received, the analysis of attitudes and conditions of socializations that influence the ability of child-bearing among women of different age groups is conducted.

Evaluation shows that female sexual and fertility behaviour depends on sociocultural status and age-sex distribution of parental households along with mass media, peer influence and character of relations with the first intercourse partner under conditions of initially low material support. Herein changes in the system of social roles, values and attitudes invariability peculiar to modern society have apparently caused the contradictions between biological motive of female fertility function, community philosophy and the particularities of ethnos cultural and historical experience that keep national identity.

Key words: children, socialization, household, marriage, pregnancy, abortion.

Введение. Что стимулировало людей рожать и выращивать детей? В отечественной науке этот вопрос интенсивнее всего обсуждают демографы (А.И. Антонов, В.А. Борисов,

А.Г. Вишневский, Л.Е. Дарский и др.), причем широкое распространение приобрела идея о наличии у человека специфической «потребности в родительстве», «в отцовстве», «в материнстве» или просто «потребности в детях» [1-10].

Каково же содержание этой потребности? С одной стороны, подчеркиваются рационально-экономические соображения: дети были экономически полезны, так как сыновья становились работниками, а дочери, кроме того, приносили выкуп (калым). «Дети были помощниками в производстве и кормильцами в старости..., их брачные связи создавали твердую опору в соседской общине... Иметь много детей, и прежде всего сыновей, было гарантией прочности ее социальных позиций» [5]. С другой стороны, выдвигаются психологические мотивы. «Потребность в детях является социально-психологическим свойством социализированного индивида, проявляющимся в том, что без наличия детей и подобающего их числа индивид испытывает затруднения как личность» [1]. «Дети нужны для удовлетворения одной, хотя и очень важной потребности – иметь объект альтруистической заботы и опеки, потребности в ощущении собственной необходимости и полезности для любви и заботы» [5].

С точки зрения современного сознания, «полезностная» модель управления рождаемостью выглядит вполне логичной, хотя можно заметить ее несколько недостаточную историчность [3]. Хотя сторонники данной модели постоянно говорят об исторических изменениях и даже переходе от одного типа рождаемости к другому, если проанализировать их аргументацию, то нельзя не прийти к выводу, что все признаваемые ими изменения относятся к количественной стороне явления: полезность детей уменьшается, их способность удовлетворять потребности родителей снижается, потребность в детях ослабевает и т.д. Сам же тип поведения остается неизменным: на большую полезность детей население реагирует высокой рождаемостью, на малую – низкой [3].

Таким образом, возникает вопрос: как социальные факторы влияют на решение женщины рожать или не рожать. Можно ли в настоящее время говорить о «полезности» детей, и что может быть решающим в принятии решения о продолжении рода.

В проведенном нами исследовании, проходившем на базе женских консультаций родильных домов г. Томска, приняло участие 200 беременных женщин, 100 из которых планировали рождение ребенка, а остальные 100 – с установкой на искусственное прерывание беременности. Группу сравнения составляли 100 небеременных женщин оптимального репродуктивного возраста. Таким образом, методом «вертикального среза» было обследовано 300 респонденток.

Результаты исследования и их обсуждение. Сопоставление условий социализации в родительских семьях у двух групп беременных женщин с разными установками на

возможность деторождения позволило выявить ряд отличий. Так, в первой группе, среди беременных планировавших рождение ребенка, из неполных родительских семей было в 1,7 раза (23%) меньше женщин, чем во второй – среди женщин с установкой на искусственный аборт (38%).

Хотя все женщины, относившиеся к первой группе, оценивали свою беременность как желательную, только 74% из них характеризовали ее как запланированную. При этом только у 58% «первородящих» брак был юридически зарегистрирован. Среди женщин, уже имевших детей и сохранявших настоящую беременность, 89% состояли в юридически зарегистрированном браке. Средний же возраст «первородящих» ($23,6 \pm 0,4$ года) был статистически достоверно ($p < 0,05$) меньше, чем у «повторнородящих» ($27,8 \pm 0,6$ лет), что указывало на больший социальный опыт материнства и ответственность у последних.

Уровень образования членов родительской семьи достаточно «жестко» определял «коридор возможностей» последующей профессиональной самореализации для современного поколения дочерей, достигших репродуктивного возраста. Так, среди беременных, у которых хотя бы один из родителей получил высшее образование, более чем 50% также закончили или обучались в вузах. Но ни одна из женщин, родители которых имели образование не выше начального профессионального, не являлась студенткой высшей школы. Такие различия в притязаниях и возможностях, зависящие от социокультурного статуса родительской семьи, не оказывали существенного влияния на возраст начала сексуальных контактов дочерей. В среднем он не превышал 18 лет, и у более молодых современных женщин смещался к младшему подростковому возрасту. В значительной степени это могло быть связано с общей средой общения вне традиционных «социальных институтов» у подростков из разных семей. В то же время необходимо отметить, что от состава родительской семьи в определенной степени зависела вероятность сохранения «добрачной девственности». Так, в полных родительских семьях воспитывались все обследованные женщины, состоявшие в зарегистрированном браке, у которых отец ожидаемого ребенка был первым половым партнером. В их сиблинговой ситуации наиболее часто встречались условия воспитания в качестве единственной дочери, или с двумя другими детьми своих родителей. Для жизненного сценария женщин, сохранявших беременность при незарегистрированном браке, было характерно наличие в прошлом двух или более половых партнеров, воспитание в неполной родительской семье, или в полной двухдетной с братом. Последнее можно объяснить представлениями (М. Parter, 1994; И.С. Кон, 1999) о проецировании в сознании дочерей более либеральной половой морали для своих матерей, не состоящих в браке, и для брата.

Характерно, что среди планировавших как деторождение, так и аборт, число женщин, у которых до настоящей беременности было два и более половых партнера, практически не отличалось, и в каждой из этих групп превышало 60%. При этом в числе ожидавших рождение первого ребенка менее образованные будущие матери были младше по возрасту, чем «первобеременные», получавшие или получившие высшее образование. В числе женщин, сохранявших беременность в возрасте до 20 лет, студенток вузов не было. Это указывало на то, что установка на воспроизведение более высокого уровня образования, формирующаяся под влиянием родительской семьи, становилась причиной, снижающей репродуктивные возможности женщин. По данным А.П. Ощепковой и Э.З. Этштейн (1996), проводивших социологические исследования в Сибири, такая же ситуация отмечалась при сопоставлении показателей демографической структуры у городских и сельских семей, последним из которых был свойственен более низкий средний уровень образования.

Следует также учитывать, что разный возраст женщин предполагал различия предшествующих условий социализации. У женщин до 20 лет условия социализации существенно отличались от условий социализации женщин 25 лет и старше. В частности, для женщин в возрасте 34 лет по состоянию на 2005 г. было характерно подростковое развитие в советский период. При этом следует учитывать, что требования к поло-ролевому воспитанию их как подростков в первой половине 80-х годов было качественно другим, чем у женщин 18–19 лет по состоянию на 2005 г., раннее подростковое развитие которых приходилось на середину 90-х годов с соответствующими условиями воздействия на их сознание СМИ, социального окружения.

Можно также отметить, что увеличение возраста предполагает не только вероятность большего числа детей, но и более позднего начала половой жизни. При этом у небеременных женщин, из которых большинство имело детей, увеличение возраста предполагало большую продолжительность проживания с отцом ребенка. У женщин с установкой на сохранение беременности увеличение возраста предполагало большую вероятность числа самопроизвольных абортов.

Данные, приведенные на рисунке 1, указывают на то, что у женщин с установкой на искусственное прерывание беременности больший возраст предполагал менее выраженное неприятие к родителям полового партнера, меньшую тревожность и менее значимую для них оценку отношения к аборту со стороны полового партнера. Наряду с этим по шкалам психологических тестов более высокий возраст положительно коррелирует с психастенией (тревожностью), педантичностью (ригидностью) и психопатией (импульсивностью). Основные составляющие коррелируют, а именно: возраст и имеющееся количество детей, возраст начала половой жизни, возраст и постоянное совместное проживание с отцом

ребенка были такими же, как у групп небеременных женщин и женщин с установкой на рождение ребенка.

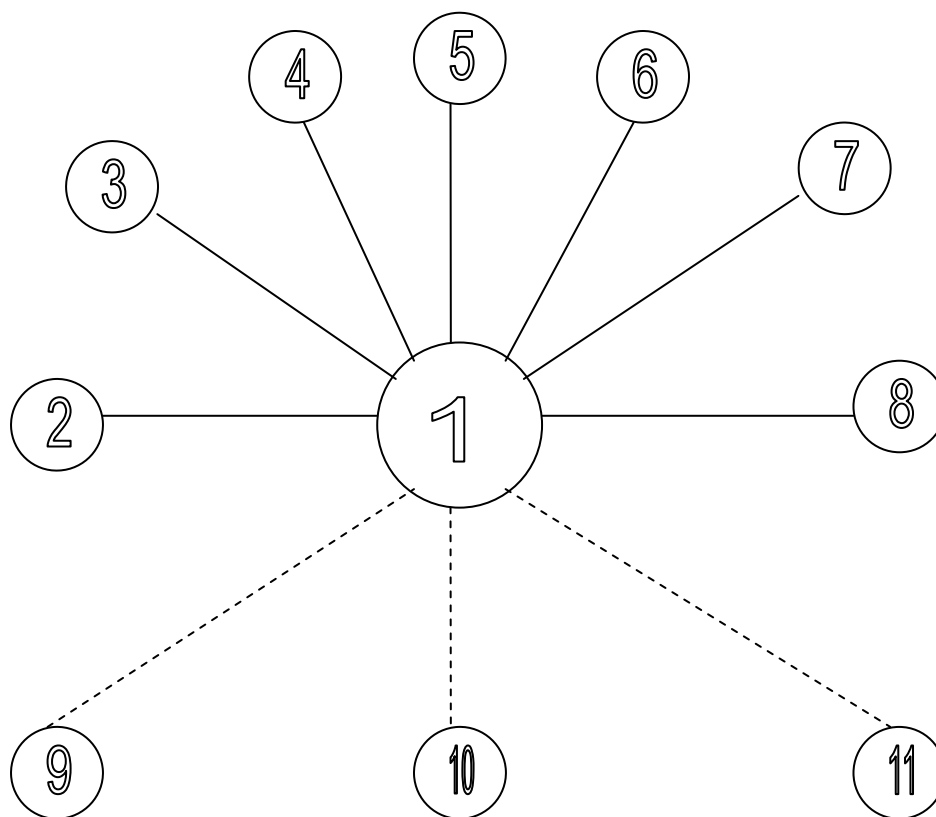

Рис. 1. Корреляционные плеяды у женщин с установкой на искусственное прерывание беременности

Условные обозначения: 1 – возраст, 2 – имеющееся количество детей, 3 – возраст начала половой жизни, 4 – постоянное совместное проживание с отцом ребёнка, 5 – педантичная акцентуация, 6 – шкала психопатии, 7 – шкала психастении, 8 – отношение к беременности, 9 – отношение к родителям партнёра, 10 – тревожность по тесту Люшера, 11 – отношение к аборту со стороны партнёра.

Примечания. Отрицательный коэффициент корреляции возраста с другими показателями приведён в нижней части рисунка и обозначен пунктиром, а положительный – в верхней части рисунка отображён сплошной линией. Средний уровень связи $r > |0.4|$, для $p < 0,05$ и менее.

Данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что женщины с установкой на искусственный аборт, во всех возрастных группах, в качестве основной его причины указывали на неудовлетворительные жилищные, материальные условия. Причем эти проблемы отличались в 3,5 и более раз чаще, чем межличностные отношения с половым партнером. Более молодые, в числе которых преобладали студентки, в числе вторых по частоте причин прерывания беременности указывали на необходимость завершения профессионального образования и состояние здоровья. Для более старших женщин, уже имевших детей, эти мотивы не были актуальны.

Таблица 1 – Распределение основных причин искусственного прерывания беременности, указанных женщинами разных возрастных групп

Причины	Возраст женщин (полных лет)		
	18-24	25-29	Более 30
Недостаточная жилищная и материальная обеспеченность	70 %	84 %	63 %
Преждевременность рождения ребенка для профессиональной самореализации женщины	50 %	17 %	0 %
Состояние здоровья	44 %	10 %	13 %
Неудовлетворительные межличностные отношения с половым партнером	20 %	16 %	13 %
Нежелание больше рожать детей у женщин, уже имеющих ребенка	17 %	30 %	50 %
Прочие причины	10%	0%	0%

Различия в установках на рождение ребенка, по-видимому, определяли особенности проецирования в сознании личности значимости первоисточников о сексуальных отношениях (табл. 2). При высокой самооценке роли средств массовой информации в формировании мировоззрения в этой сфере женщины, планировавшие прерывание беременности, в большей степени акцентировались на негативной роли первого полового партнера. У женщин же с установкой на рождение ребенка позитивное представление о такой информированности как бы распределялось между родителями и значимыми сверстниками. Образовательные же учреждения редко указывалась респондентками.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопросы о значимости первоисточников информации о сексуальных отношениях у женщин оптимального репродуктивного возраста

Источники информации	Число ответов		
	Женщины, сохраняющие беременность	Женщины с установкой на аборт	Небеременные
Средства массовой информации	42 %	71%	39%
Родители	23 %	0%	9%
Сверстники	21 %	52%	39%

Первый половой партнер	14 %	84%	45%
Образовательные учреждения	10 %	2%	6%

Из числа женщин, ожидавших рождение ребенка, большинство проживали вместе с его отцом: отдельно от родителей (71%), реже в семьях из двух поколений совместно со своей родительской семьей (20) или мужа (7%). Только менее 20% беременных указывали на среднемесячный доход в рублях на члена семьи 200 долларов США и более. Причем все из этой группы женщин ожидали первого ребенка. 80% своих текущих расходов в период беременности женщины объясняли доходами отца ребенка, и только 6% – помощью родительских семей. Ответы на вопросы о причинах сохранения беременности свидетельствовали о преобладании в системе ценностных ориентаций будущих матерей представлений о совместном с отцом ребенка желании (56%), преимущественно собственном желании (29%) и, в наименьшей степени, автономном – полового партнера (3%). Другие мотивировки (сохранение семьи, соответствие «социальным нормам» и т.д.) в качестве основных указывались редко. В будущем 49% женщин, ожидавших первого ребенка, и 15% – второго, предполагали возможность рождения следующих детей. Соответственно 8 и 27% из этих групп беременных последующих детей не планировали.

Таким образом, полученные данные свидетельствовали о формировании жизненного сценария женского сексуального и репродуктивного поведения под влиянием социокультурного статуса и состава родительской семьи, а также средств массовой информации, значимых сверстников и характера отношений с первым половым партнером, при достаточно низком исходном уровне материального обеспечения. При этом изменения в системе социальных ролей, инвариантность ценностей и установок в современном российском обществе, по-видимому, способствовали усилению противоречий между биологически обусловленной репродуктивной функцией женщины, общественной идеологией и спецификой культурно-исторического опыта этноса, сохраняющего государственность.

Заключение. На современном этапе развития психологии возрастание внимания к репродуктивному поведению человека является не случайным. В значительной степени это связано с «пробелами» в знаниях о психологических механизмах репродуктивного поведения современных этносов. Кроме того, актуальность таких исследований обусловлена состоянием общества в промышленно развитых странах, его феминизацией в сфере производственных отношений, расширением информационного пространства для многих людей и, наконец, демографическими проблемами, которые приобретают геополитическое

значение. Перед обществом стоит непростая задача – не просто знать о влиянии социума на репродуктивное поведение будущего родителя, но и попытаться сделать так, чтобы это влияние носило стимулирующий характер к созданию гармоничной семьи и продолжению рода.

Список литературы

1. Антонов А.А. Социология рождаемости. – М. : Статистика, 1980.
2. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М. : Статистика, 1976.
3. Вишневецкий А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. – М., 1982.
4. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. – Л., 1984.
5. Дарский Л.Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. – М., 1979.
6. Попова Ю.Н., Морозин В.Г. Социально-демографические и эмоциональные факторы репродуктивного поведения женщин // Вест. гос. пед. ун-та. – 2005. – Вып. 1 (45). – С. 119-125.
7. Уразаев А.М., Мамышева Н.Л., Шелехов И.Л., Борщевская Т.И. Особенности ценностно-потребностной сферы личности и репродуктивных установок женщин, сохраняющих беременность // Вест. гос. пед. ун-та. – 2005. – Вып. 1 (45). – С. 125-127.
8. Уразаев А.М. Показатели семейного статуса и состояние мотивационной сферы у женщин, планирующих прерывание беременности// Семья на рубеже веков. – Пермь, 2000.
9. Шелехов И.Л., Скрипачева Е.Н., Репродуктивное поведение российских женщин // Вестн. Том. гос.пед.ун-та. Сер. «Педагогика и психология». – 2009. – Вып. 2 (80). – С. 104-106.
10. Шелехов И.Л., Уразаев А.М., Берестнева О.Г., Языков К.Г. Современная женщина: личность, гендер, психология репродуктивного здоровья : коллективная монография. – Томск : Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2009. – 404 с.

Рецензенты:

Корнетов А.Н., д.м.н., декан факультета клинической психологии, психотерапии и социальной работы; зав. кафедрой клинической психологии и психотерапии ГБОУ ВПО ф«Сибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, г. Томск.

Алексеева Л.Ф., д.псх.наук, профессор ГБОУ ВПО «Сибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, г. Томск.